

Тинчжу вступается

— Скорее идите посмотрите! Ваш двоюродный брат, что учится в городе, вернулся. А этот мальчишка Цзе твердит, будто Ся гэр дразнил его сестру Цяо-эр. Он не только опрокинул его тофу, но ещё и пожаловался вашему кузену, чтобы тот проучил Ся гэра!

Услышав это, Лю Сяомэй поспешно бросила работу и тревожно посмотрела на Сун Тинчжу.

— Что нам делать, зять? Отец, мать и старший брат не дома. Боюсь, одна я не смогу забрать Ся гэра.

Сун Тинчжу нахмурился.

— Не волнуйся. Я пойду с тобой.

— Но зять, твоё здоровье...

— Я уже отдохнул и мне гораздо лучше.

Успокоив Лю Сяомэй, Сун Тинчжу поблагодарил женщину, принесшую весть, затем запер калитку, и они поспешили к дому Лю Эршэна.

Тем временем у ворот его двора...

Лю Цзе указал пальцем на сидящего на земле и безутешно рыдающего Ся гэра и пожаловался своему дяде Лю Юйшу:

— Дядя, это он обидел Цяо-эр! У неё даже следы от ног остались!

Ся гэр прижимал к себе корзинку, личико его было полно страха.

— Нет... это не я... у-у-у...

Лю Цзе обернулся, схватил горсть мокрой грязи и швырнул в Ся гэра.

— Это ты! Цяо-эр, скажи сама — разве не он тебя пнул?

Лю Цяо-эр, которой в этом году исполнилось четыре года и которая была на год старше Ся гэра, не отличалась смышлённостью. Девочка была робкой и заикалась. Услышав брата, она опустила голову, вцепилась в одежду и кивнула.

— Это... Ся гэр...

Лю Цзе гордо вскинул подбородок.

— Видите? И всё ещё не признаёшься, врун!

— Ся... Ся гэр не врун... у-у-у... папа... мама... дядя... у-у-у...

Ся гэра толкнули в грязь, он весь был испачкан, даже лицо заляпано. Видя, как жалобно он плачет, проходившие мимо деревенские жители не выдержали и стали заступаться за него.

— Юйшу, дети поссорились — обычное дело. К тому же у Цяо-эр всего лишь куртка испачкалась. Отведи её домой и переодень.

— Тут наверняка недоразумение. Ся гэр обычно такой послушный, разве мог он ударить Цяо-эр?

— Ся гэр весь промок насквозь. На улице холодно, если оставить его здесь, простудится. Шестая тётушка Ян, ты ведь живёшь рядом с домом Сюлянь, помоги отвести ребёнка домой.

— Хорошо.

Увидев, что кто-то собирается увести Ся гэра, Лю Цзе тотчас подбежал и преградил дорогу.

— Нельзя уходить! Лю Ся-эр обидел мою сестру, так просто это не кончится!

Шестая тётушка Ян сказала:

— Ах ты ребёнок! Ся гэр на два года младше тебя. Неужели, будучи старшим братом, ты не можешь уступить младшему?

— Тётушка, если он младше, значит, ему можно не отвечать за свои ошибки? Тогда если я тебя пну, раз я маленький, ты ведь не обидишься?

Это сказал третий сын Лю Эршэна — Лю Вэнь, вышедший со двора, зевая.

Шестая тётушка Ян так рассердилась, что сразу отчитала его:

— Вэнь-гэ, так ли разговаривают со старшими?

— Вэнь-гэ, дети просто повздорили. К тому же ваш Цзе уже столкнул Ся гэра в грязевую яму — считай, квиты.

Лю Вэнь упёр руки в бока.

— Какие ещё квиты? Цяо-эр обидели первой. Пусть пнёт его в ответ — тогда и будем квиты.

— Вэнь-гэ, ты...

Люди уже собирались снова вступить за Ся гэра, когда из-за спин толпы раздался ясный и холодный голос:

— Нет. Так квиты не будет.

— Это же... муж Ху-цзы? Чжу-гэ?

— Разве не говорили, что ему совсем худо? Гляньте-ка, жив-здоров, даже сам вышел!

— Он выглядит куда лучше, чем в день свадьбы. Может, семья Лю и правда вылечила его болезнь?

— Эй, помните? Когда Лю Лао-да сломал ногу, доктор Лян сказал, что надежды нет, а потом она чудом срослась. И мужа Ху-цзы вы сами видели в день свадьбы — лицо белое, будто вот-вот дух испустит. А теперь, хоть и выглядит болезненно, живости в нём куда больше.

— Помню, помню! Доктор Лян ещё говорил, что семья Лю благословенна и непременно будет процветать!

Люди перешёптывались; некоторые говорили неприятные вещи, но Сун Тинчжу сделал вид, что ничего не слышит, и мягко похлопал Лю Сяомэй по руке, давая понять не принимать это близко к сердцу.

— Дядя... тётя... у-у-у...

Увидев дядю и тётю, Ся гэр выпустил корзинку, протянул к ним ручки и заплакал ещё горше — от обиды и страха.

Сун Тинчжу поспешно подошёл, присел на корточки и взял малыша на руки.

Ся гэр дрожал от испуга. Сун Тинчжу укутал его полами одежды, вытер грязь с его щёк и мягко успокоил:

— Ся гэр, не бойся. Дядя здесь.

Ся гэр крепко вцепился в его одежду, глаза опухли от слёз.

— Дядя... Ся... Ся гэр не врун... Ся гэр не пинал сестрёнку Цяо-эр...

— Дядя знает. Ся гэр у нас самый послушный.

Одежда мальчика промокла насквозь. Боясь, что он заболит, Сун Тинчжу велел сестре сначала отнести его домой и позвать доктора Ляна.

Лю Сяомэй, всё ещё растерянная, приняла ребёнка на руки.

— Зять, а ты не идёшь с нами?

Ся гэр тоже посмотрел на него зависимым, жалобным взглядом.

Сун Тинчжу коснулся волос мальчика, задубевших от холодного ветра, и ободряюще улыбнулся.

— Идите вперёд. Я приведу врача для Ся гэра.

Лю Сяомэй не усомнилась ни на миг. Прижав Ся гэра к себе, она развернулась и побежала домой.

Увидев это, Лю Цзе вцепился в штаны Лю Юйшу и завопил:

— Не пускай их! Цяо-эр ещё не ударила в ответ! Дядя! Дядя! Помоги остановить этого гадёныша!

Услышав это, взгляд Сун Тинчжу похолодел.

Лю Цзе привык буянить дома, но снаружи знал страх. Под взглядом незнакомого ему Сун Тинчжу он тут же отвёл глаза, спрятался за спину дяди и не посмел больше пикнуть.

Сун Тинчжу обернулся и попросил шестую тётушку Ян сходить за доктором Ляном, затем перевёл взгляд на Лю Юйшу и сурово произнёс:

— Такой юный, а уже заносчивый и насквозь лживый. Кузен Юйшу, ты считаешь, что именно так учёный человек должен воспитывать младших?

Лю Юйшу с тех пор, как начал учиться в городской школе, всегда слышал в деревне лишь похвалы и никогда ещё не подвергался публичному выговору. В душе он кипел от злости и обиды, но вынужден был сохранять образ почтительного книжника и потому сделал вид, будто смиренно принимает слова старшего.

— Зять, ты прав. Юйшу непременно задумается над собой. Однако с тем, что ты сказал о Цзе — будто он заносчив и лжив, — я не согласен. Пусть он немного озорной, но врать не станет. К тому же Цяо-эр уже подтвердила, что первым начал Ся гэр.

Сун Тинчжу не стал тратить время на препирательства и прямо сказал:

— Кузен, ты уже несколько лет учишься в академии, а отличить детский след от следа взрослого мужчины так и не научился?

— Ох, Чжу-гэ, я и правда не заметил. Нога у Ся гэра совсем маленькая. Эти следы больше похожи на следы Цзе. Значит, это дело рук Цзе. Я ведь и говорил: Ся гэр обычно такой послушный, разве мог он сотворить подобное?

— И это называется учёный? Даже правду от лжи не отличает. Неужели все книги зря читал?

Лицо Лю Юйшу потемнело. Заботясь о своей репутации, он не мог позволить себе вспылить, потому подал знак третьему брату Лю Вэню поскорее уладить дело и разогнать людей.

Увидев это, Лю Вэнь небрежно бросил:

— Кто там разберёт, кто начал, когда дети дерутся. Может, Цзе в суматохе случайно толкнул Цяо-эр, вот и вышло недоразумение. Мы с братом просто разволновались. А в грязевую яму Ся гэр сам упал, Цзе тут ни при чём.

Затем он дёрнул Лю Цзе за руку:

— Ну что, не извинишься перед вторым дядей?

Лю Цзе робко пробормотал:

— Второй дядя, простите.

После этого показательного представления Лю Вэнь язвительно добавил:

— В следующий раз держитесь подальше от Ся гэра, а то ещё и не поймёшь, в чём тебя обвинят.

Лицо Сун Тинчжу стало ещё холоднее.

— Кузен, ты хочешь сказать, что трёхлетний ребёнок настолько коварен, что сам прыгнул в грязевую яму и ещё сам растоптал купленный тофу?

Лю Вэнь хотел возразить:

— Я...

Но Сун Тинчжу перебил его:

— Не затруднит ли тётушек и бабушек взглянуть на следы вокруг ямы? Сколько там следов Ся

гэра и сколько следов Цзе, которого кузен Юйшу называет «просто немного шалуном»?

— Дайте-ка посмотрю... Ай-ай, да тут одни следы Цзе! Следов Ся гэра почти и не видно!

— Вот именно. Да и Ся гэру всего три года. Разве он мог такое устроить? Вэнь-гэ, нехорошо ты сказал.

— Я слышал, для учёных честь дороже всего. Скоро экзамены. Если такое разойдётся по округе, не повлияет ли это на экзамен Юйшу?

— Вэнь-гэ, тебе бы лучше скорее попросить прощения у зятя. Не губи будущее Юйшу.

Все и без того понимали, как было на самом деле. Будь это другая семья, уже давно началась бы ругань. Но Лю Юйшу учился в городе и считался способным, потому никто не хотел слишком сильно ссориться с семьёй Лю Эршэна. Все ограничивались советами извиниться и замять дело.

Однако Сун Тинчжу вовсе не собирался спускать всё на тормозах. Одними извинениями нельзя было искупить обиду, которую перенёс Ся гэр. Не бывает в мире такой дешёвой расплаты.

— Извиняться передо мной не нужно. Извиниться следует перед Ся гэром. Если хотите уладить дело, кузен, веди Цзе просить прощения у Ся гэра. И ещё за лечение Ся гэра я много не прошу — всего полляна серебра.

— Полляна серебра?! Да ты лучше сразу грабить выходи!

Вторая тётка Цуй Юйлань, примчавшаяся после того, как услышала новости, тут же почернела лицом и, ткнув пальцем в нос Сун Тинчжу, заорала:

— Болезный решил с меня поживиться? Что, ваш Ся гэр такой драгоценный, что врач стоит полляна? К тому же он сам упал. С чего это моя семья должна платить? Ни единой монеты не получишь!

— Жена второго Эршэна, конечно, виноват Цзе. Но Чжу гэр, полляна — это перебор. Осмотр у доктора Ляна стоит максимум сотню с лишним монет. Просить полляна — чистое вымогательство.

— Верно, Чжу гэр, ты перегибаешь.

Зеваки, привыкшие всех мирить и никого не обижать, старались усидеть на двух стульях.

Увидев это, Цуй Юйлань стала ещё наглее. Уперев руки в бока и задрвав подбородок, она всем видом показывала: ну и что вы мне сделаете?

Сун Тинчжу, почувствовав слабость от долгого стояния, попросил у знакомой тётушки табурет и сел у ворот дома Лю Второго.

Цуй Юйлань опешила:

— Ты... ты что делаешь?

Сун Тинчжу спокойно ответил:

— Полляна серебра может стать только больше, но никак не меньше. Вторая тётка, как отдашь

— тогда и уйду.

Сказав это, он прикрыл рот и долго кашлял, прежде чем успокоиться.

— Чжу-гэ, у тебя здоровье слабое. Иди домой отдыхать.

— Верно, деньги не дороже жизни.

— Жена Эршэна, отведи Цзе извиниться перед Ся гэром и заплати за лечение — и делу конец. Хоть семьи и разделились, всё равно соседи. Не стоит портить отношения из-за пустяка.

Несколько пожилых женщин, пользуясь возрастом, выступили вперёд и начали поучать.

Но Сун Тинчжу и не думал уступать.

От сестры он уже знал, что семья второго дяди постоянно пользовалась ими, а Сяомэй и Ся гэра нередко обижали Лю Вэнь и остальные. Старая госпожа Лю благоволила семье второго дяди, и потому им приходилось молча терпеть, ещё и самим извиняться да платить.

Теперь же у него был прекрасный повод заставить вторую тётку раскошелиться.

Что же до отношений между двумя семьями — чем хуже, тем лучше. Лучше бы вовсе не общаться. Тогда, когда семья Лю поднимется, эти родственники не явятся делить чужое благополучие.

Видя, что он сидит неподвижно и даже достал книгу читать, лицо Цуй Юйлань то синело, то белело.

Сун Тинчжу держал в руках путевые записки. Прочитав пару строк, он закашлялся так тяжело, что лицо его вскоре побелело, словно бумага, будто он вот-вот рухнет без чувств.

Лю Вэнь испуганно прошептал матери:

— Мам, он же не умрёт у нас во дворе? Где бабка? Почему её до сих пор нет?

Цуй Юйлань и сама занервничала. Она бросила взгляд на Сун Тинчжу и шёпотом ответила:

— Скоро будет. Я уже послала за ней.

После недолгой осады сквозь толпу наконец протиснулась старая госпожа Лю на своих перевязанных ножках.

Она с порога разразилась бранью:

— И зачем только Ху-цзы женился на таком непочтительном человеке, как ты? Недаром семья Сун тебя не любит! С таким ядовитым нравом тебя бы и родной отец терпеть не стал!

— Став зятем, кто прежде всего должен почитать старших в доме? А ты посмел явиться к нам вымогать деньги! Знала бы раньше — ещё тогда отправила бы тебя обратно в семью Сун!

Чем дольше старая госпожа Лю говорила, тем сильнее распалялась.

— Тогда ведь было ясно условлено, что придёт Сун Жуй-эр! Если бы не ты, дохлый призрак, наша семья Лю давно перебралась бы в город — жила бы в большом доме да наслаждалась

жизнью!

Услышав это, толпа снова зашумела.

— Чжу-гэ уже давно в семье Лю. Почему старая госпожа Лю всё ещё держит зло?

— А как не держать? Вместо богатой законнорождённой барышни им подсунули нищую болезненную замену. Ты бы сам стерпел такую разницу?

— Не стерпел бы — и что с того? Они больше двадцати лет как разделились. Когда семья Лю Дашэна ела отруби да перебивалась травой, почему никто не подумал помочь? Как только подвернулся случай, то насмешки, то проклятия. Спорю, если Юйшу и правда чего-то добьётся, старая госпожа Лю не даст старшей ветви ни крошки выгоды. Верите?

И это была чистая правда. Те, кто постарше, хорошо знали, что за человек старая госпожа Лю. Если бы такой день и настал, старшая ветвь ничего бы не получила. А если бы на них ещё и не навалились с руганью всей гурьбой — уже счастье.

Пока в толпе сочувственно переговаривались, Сун Тинчжу, держа книгу в руках, оставался невозмутим. Лишь когда старая госпожа Лю охрипла от брани и у неё пересохло во рту, он закрыл книгу и поднял на неё бескровное лицо.

От его взгляда старая госпожа Лю невольно оробела, сглотнула и грубо бросила:

— Ч-чего уставился? Говорю тебе: даже если ты сдохнешь у наших ворот, я и медяка не заплачу!

Сун Тинчжу улыбнулся.

— Бабушка, не тревожьтесь. Тинчжу умирать не собирается. К тому же кузен Юйшу скоро сдаёт императорский экзамен. Разве могу я допустить, чтобы кузен косвенно понёс вину за то, что довёл своего зятя до смерти? Такого, что погубит будущее кузена, Тинчжу никогда бы не сделал.

Он улыбался, но от этой улыбки семью старой госпожи Лю пробрал холод.

Это было сказано вовсе не ради Юйшу. Это была неприкрытая угроза.

Лицо старой госпожи Лю почернело, словно дно котла. Ей до смерти не хотелось расставаться с деньгами, но ради будущего внука пришлось раскошелиться. Однако так просто она это оставлять не собиралась.

В следующем месяце Юйшу должен был ехать в уезд сдавать детский экзамен. Даже учитель говорил, что у него большие шансы занять хорошее место. Когда это случится, пусть старшая ветвь и не мечтает урвать хоть что-нибудь!

С кислым лицом старая госпожа Лю нехотя достала деньги. Увидев, как Сун Тинчжу спокойно взял серебро и убрал к себе, она впиалась в него мутными старыми глазами, полными злобы.

— Раз уж старшая ветвь так непочтительна, то сегодня, при всех жителях деревни, объявляю: отныне наши семьи разрывают всякие отношения! Когда имя Юйшу окажется в списке сдавших, старшая ветвь пусть и не думает получить хоть какую-то выгоду!

Сун Тинчжу нахмурился, изобразив сожаление, но в душе только облегчённо вздохнул:

лучшего исхода и желать нельзя.

<http://bllate.org/book/17218/1616321>